

A detailed illustration of a steampunk detective. He is wearing a dark brown top hat with a wide brim and a pair of goggles with circular lenses and brass accents. He has a short beard and is looking off to the side. He is dressed in a dark, heavy coat with a high collar and a gold-colored circular emblem on the left chest. The background shows a city street with ornate buildings and a street lamp, suggesting a Victorian or Edwardian era setting.

ДЕНИС БУРМИСТРОВ

**Ф И Л Е Р
УГОЛОВНОГО
СЫСКА**

Денис Евгеньевич Бурмистров

Филер уголовного сыска

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28985912

SelfPub; 2018

Аннотация

Один день из жизни унтер-офицер Воронина, филера отделения уголовного сыска седьмого околоточного участка, решившего поймать таинственного Толмача

Содержание

Глава 1	4
Двенадцать лет назад	14
Глава 2	21
Глава 3	37
Глава 4	45
Эпилог	56

Глава 1

Кофе был отвратительным, с кисловатым привкусом и тяжелым горелым запахом. Потемневшая от времени чайная ложка мачтой затонувшего корабля торчала из этого варева, жалобно елозила по стенкам кружки, и непременно упиралась в скулу при попытке сделать глоток. Эту дурную композицию обвивал едкий сигаретный дым, сизой струйкой поднимающийся из горы сдавленных в гармошку окурков. А за стеклом, в сырой промозглой темноте, барабанил холодный осенний дождь.

Дежурный следователь Дуванов Максим вздохнул, глядя сквозь собственное отражение в окне на размазанные запятые от фар проезжающих мимо машин, поднес к губам чашку и, прищулив правый глаз, отхлебнул. Двумя пальцами вытащил дымящийся окурок из пепельницы и затянулся, слушая, как трещит, сгорая, табак.

Где-то в глубине полупустого здания отдела полиции хлопнула входная дверь, сонная тишина разбавилась возбужденными голосами и шарканьем ног. Звякнули ключи от камеры временного содержания, душераздирающий визг плохо смазанный петель заставил Дуванова вздрогнуть. Грохнул металл о металл и грубый хриплый голос окликнул следователя:

– Не спиться, Саныч?

Следователь нехотя повернулся, моргая покрасневшими глазами.

– Здорово, Глеб. Не смешно – я уже вторые сутки подряд на дежурстве. Кого притащил?

Глеб, долговязый прапорщик из ночного патруля, сдвинул на затылок мокрую форменную кепку и вытер с лица капли дождя. Без лишних слов указал подбородком на чашку в руках следователя, поднял на Максима вопрошающий взгляд. Дуванов без тени сожаления отдал прапорщику недопитый и чуть теплый кофе.

– Хищника мы тебе притащили, Саныч, – Глеб вытянул губы трубочкой и сделал глоток. Сладко крякнул, будто отведал чего-то восхитительного, хитро посмотрел на Максима. – Ты такого еще не видел.

– Чего я за семь лет здесь еще не видел? – без особенного энтузиазма спросил Максим. Ему было неинтересно, ему хотелось домой, к жене.

– Саныч! – оскалился патрульный, растягивая слова. – Такого – не видел. Я тебя когда обманывал?

– А тебе напомнить? – хмуро парировал следователь.

– Ой, проехали, – отмахнулся Глеб. – Пойдем, там все равно по твоей теме. Я тебе клоуна сдам да перекусить поеду с парнями.

– Чего он натворил? Кража опять? «Кухонный боксер»? – Максим с неохотой оторвался от подоконника. – Или пьяная драка? До утра не обождет?

– Не нуди. Сам все увидишь, – Глеб отдал следователю пустую чашку и широко улыбнулся, словно знал что-то такое, о чем Дуванов и не догадывался.

– Веди сразу в допросную, – сдался Максим. – И Ромку толкни, он в дежурке спит. Пусть опыту набирается, стажер. Я сейчас подойду.

– Добро, – прапорщик кивнул и бодрым шагом пошел по коридору, придерживая рукой висящую на поясе дубинку.

– Интриган, – пробурчал ему вслед Дуванов и побрел в туалет.

Когда, через пару минут, он шел по вздувшемуся от времени линолеуму, тряся мокрыми руками с растопыренными пальцами, у тяжелой двери допросной уже топтался худощавый парень с заспанной физиономией и торчащим на сторону вихром.

– Не спится? – следователь поприветствовал стажера словами Глеба. – Пойдем, тебе полезно.

Максим потянул на себя створку, ощущая тугое сопротивление мощной пружины, привычно дернул плечом и шагнул в зябкую прохладу кабинета для допросов – небольшую бетонную коробку почти без мебели и с пыльным проемом зарешеченного окна. Отстранил застывшего в дверях патрульного, без особенного интереса бросил взгляд в сторону табурета для задержанных.

И даже на миг замедлился, удивленно хмыкнул, подняв брови. Крякнул:

– О как!

Взгляд Максима проходил мимо довольно покачивающегося на пятках Глеба, мимо казенного стола, освещенного желтоватым светом одинокой лампы, и упирался в невысокую фигуру сидящего мужчины. Тот походил на какого-то персонажа из театрализованной постановки по мотивам русских классиков. В памяти Дуванова проступили смутные образы актеров, играющих «чего-то-там по Тургеневу» – спектакля, на который они давным-давно ходили вместе с женой. Да-да, примерно так они и были одеты.

Задержанный был щуплым и невысоким. Темно-русые волнистые волосы, зачесанные на обе стороны прямым пробором, закрывали уши. Из-под прядей выбивались пушистые валики бакенбард, опускающиеся до самых скул. Под тонким и прямым носом выделялись ухоженные усики с загнутыми вверх, словно у киношных гусаров, кончиками. Прямо под острым кадыком начинался острый сгиб накрахмаленного воротника-стойки. Максим мог дать руку на отсечение, что ворот именно накрахмален – безупречная белизна с жесткой фундаментальной фактурой сразу же выхватили ассоциации из далекого детства – приятный хруст ткани, ощущение чистоты и прохлады.

Под высокими уголками воротника блеснул похожий на слезу камешек, огранный тонким серебряным узором. Максим погодя подумал, что как так патрульные пропустили мимо своего внимания эдакую красоту, которая в иное

время уже бы грелась в карманах форменных штанов. В любом случае, эта заколка смотрелась донельзя гармонично со стального цвета приталенным пиджаком и алым атласным жилетом. Дополняли облик брюки в цвет пиджака, черные полуботинки с желтыми носами и висящая на крючке за спиной шляпа-«котелок».

– Прямо доктор Ватсон, – первым подал голос стажер Роман.

– Актер что ли? – обратился к мужчине следователь, обойдя стол и занимая свое законное место напротив задержанного. Тот встрепенулся, зыркнул затравленно, глаза забежали, а левая щека нервно дернулась. Он словно не знал или не понимал где находиться, потому никак не мог выбрать как реагировать на происходящее.

«Надо бы на наркотики проверить», – сделал себе пометку Дуванов.

Он отработанным движением сунул руки под столешницу, выудил несколько белых листов и шариковую ручку с пожеванным колпачком. Примерившись, занес ручку над листом, готовясь записывать, и спросил:

– Ну, Глеб, что там случилось? Ромка, сядь в углу, не отвечивай! Ну, давай...

Прапорщик не заставил повторять дважды.

– Вызов поступил на шумную компанию на остановке возле «Спринта», – охотно принялся рассказывать он. – Все, как обычно – бухают, ржут и матерятся в голос. Мы – туда. Не

успели подъехать, как расклад изменился. Вместо пьяной гопоты – разъяренная пьяная гопота. Обступили этого чудика и бросаются, как собаки на алкаша. А он уже одного из них тростью отоварил...

– Чем? – переспросил Максим, поднимая голову.

– Тростью, – повторил Глеб. – Я тебе потом принесу, в «орбиталке» валяется, под сиденьями. Тяжеленная такая, с металлическим набалдашником.

– Ага, – кивнул следователь, – И чего дальше?

– Дальше этот артист пистолет вытащил и принялся по ним палить. И тут и мы подоспели.

– Какой пистолет? – Дуванов вновь оторвался от бумаг и перевел взгляд с Глеба на задержанного и обратно. – Какой еще пистолет? Ты мне что, мокрушника притащил под конец смены?

Стажер в углу нервно хихикнул, но заткнулся под тяжелым взглядом Максима, готового разразиться потоком ругани. Но его опередил Глеб, выкладывая перед Дувановым что-то тяжелое, завернутое в клетчатый носовой платок.

– Ты лучше на это посмотри, – прапорщик пальцем откинул край платка.

Пистолет выглядел вычурно. Именно это слово пришло в голову Дуванову при виде позолоченных вензелей, лежащих орнаментом по всему корпусу, перламутровых накладок на рукояти и мушки с целиков в форме двух скал и миниатюрного маяка.

– Нифига себе! – присвистнул стажер, поднявшись с места и с выпученными глазами шагая к столу. – Антиквариат!

Максим протянул руку и взял пистолет, отмечая приятную тяжесть оружия. Повертел, разглядывая. Поковырявшись с защелкой в основании рукояти, выудил узкий магазин со стальными шариками.

– Пневматика что ли? – хмыкнул он удивленно.

– Пневматика – не пневматика, а одному парню плечо прошил хорошо, – прокомментировал Глеб. – Не хуже, чем из «пэама».

– Наверняка пружина усиленная, – подал голос вытянувшийся, чтобы лучше все разглядеть, стажер. – У нас парни на страйкболе так стволы апгрейдят. Сто пудов там еще и баллончик со сжатым воздухом есть... Можно подержать, а? Ну пожалуйста!

– Можно Машку за ляжку, – отрезал Дуванов, возвращая пистолет на стол. – Или с разбегу... кхм... об телегу. Ты лучше это... конспектируй.

– Максим Сергеевич, – обиженно загундел парень, но вернулся на свой табурет в углу.

– Потом посмотришь, – подмигнул ему Глеб. – В комнате вещдоков.

– Все, харэ, – устало прервал прапорщика следователь. – Ты мне лучше скажи, где остальные участники драки? Шпана эта пострелянная где?

Патрульный снял кепку и вытер коротко стриженную ма-

кушку. Многозначительно махнул кепкой в воздухе.

– Нету больше никого. Того, что с прострелянным плечом, в больничку отвезли, с ним Кирюха остался. Остальные, кто еще мог, разбежались. Но я их знаю, приметная клиентура. Они там периодически барагозят, не раз привлекались по мелочам. Опера утром сгоняют, всех притащат.

– Ну и нахрена тогда мне этот гражданин без терпил и заявления? – возмущенно всплеснул руками Максим. – Да еще и с пневматикой, которую ни к чему не приспособишь?

– Так он терпила, Макс, – Глеб ткнул пальцем в затаившегося задержанного. – На него ж напали! Тут, сам знаешь, в подобной ситуации кто первый заяву кинул, тот и потерпевший! А тебе-то работы – тьфу! Заяву примешь, утром тебе опера шпану притащат и все, считай палку по раскрываемости срубил.

Дуванов застыл с открытым ртом, переваривая в сонном мозгу услышанное, потом криво усмехнулся, хлопнул себя ладонью по ноге.

– Да, чего-то я совсем уже не соображаю. Отдыхать пора... Прав ты, Глебка, как всегда прав. Ладно, сейчас быстренько оформим, – следователь придвинул к себе лист, вновь взялся за ручку. Поднял глаза на мужика в странном костюме и спросил устало: – Ну, артист, как тебя звать-то?

Их взгляды встретились, и короткие секунды Дуванов наблюдал, как затравленно мечутся из стороны в сторону зрачки странного мужичка, как он мучительно на что-то решает-

ся. Максиму надоело играть в гляделки, но стоило ему отве-
сти взгляд, как его оппонент, словно испугавшись потерять
этот зрительный контакт, заговорил, быстро и жарко. Сло-
ва лились из него настоящим потоком, смягченные непри-
вычным говором и разбавленные непонятными следователю
наименованиями предметов и явлений. В какой-то момент
Дуванов, пытающийся было что-то записывать, забросил эту
затею и лишь слушал, сначала с интересом, а потом с недо-
верием и подозрением. Он не заметил, как ушел Глеб, не за-
метил, как вышмыгнул из допросной стажер, спешащий куда-
то и бормочущий что-то себе под нос.

И отвлекся лишь тогда, когда вернувшийся Ромка поло-
жил перед ним на стол худую папку с синей тесьмой и ар-
хивным клеймом поверх текста, из которой вытащил плохо
отпечатанный на черно-белом принтере лист бумаги и поло-
жил перед следователем.

Под крупной надписью: «Внимание! Пропал человек!»
располагалась фотография мужчины средних лет, одетого в
жилетку со множеством карманов и нечитаемым бейджем на
груди. Ниже разъяснялось: «Нечаев Артур, журналист кри-
минальной хроники» и шла краткая характеристика – как
был одет, где видели в последний раз. А еще ниже – дата пе-
чати листка – май 1992 года.

Дуванов внимательнее взгляделся в черты человека с фо-
тографии, взъерошил пятерней волосы и поднял полный
удивления взгляд на задержанного. Тихо спросил:

– Где же ты на самом деле пропада́л двенадцать лет, журналист Нечаев Артур?

Двенадцать лет назад

Должно быть, взорвали припаркованную возле дома вишневую «девятку», которую смогли опознать лишь по элементам кузова, торчащим из-под завала. Сам дом, двухэтажный коттедж проектировки «под придурь хозяина», с небольшими готическими башенками и германской мелкой черепицей, разворотило до самой крыши, обрушив стену и обвалив часть несущих балок. Начатое неизвестным киллером дело продолжил рванувший газовый котел, добавив огоньку в общий хаос.

Когда проснувшиеся от грохота соседи смогли, наконец, вызвать пожарных и милицию, коттедж был объят пламенем, во все стороны летели искры, а вокруг, с заунывным воем и причитаниями, металась чудом оставшаяся в живых длинноногая девушка в перемазанной сажей комбинации.

Желтый с белой полосой «рафик» телевизионщиков прибыл на место взрыва одновременно с дежурным нарядом из местного отдела милиции. Требовательно сигнала, раздвинул столпившихся зевак и притулился рядом с каретой скорой помощи.

– Боря! Камеру! – резко скомандовал Нечаев, жадно осматривая место происшествия и решая с кого бы начать. Щелкнул, цепляя на свою излюбленную жилетку, пластиковый бейдж с названием канала, схватил микрофон и как сол-

дат в атаку, ринулся из машины наружу. За ним, словно верный пес, связанный с хозяином не сильно длинным проводом, побежал оператор Борис с тяжелой камерой на плече.

– Боря! Фон возьми! Вон там стэнд-ап снимем! – указывал журналист, окунаясь в привычную обстановку. – Смотри, командир пожарного расчета! Боря, быстрее!

Водитель «рафика», седой как лунь Лев Евгеньевич, заглушил мотор, вытащил из пачки «беломорину» и вышел на воздух. Прислонился плечом к машине, задумчиво разглядывая действие и наслаждаясь ядреным табаком.

Из машины скорой, стоящей напротив, тоже вышел шофер – приземистый мужичек в затертой кожаной куртке – небрежно бросил в рот папиросу и хлопнул дверью.

– Здорово, – поприветствовал он Льва Евгеньевича.

– Привет, – кивнул тот в ответ и протянул зажигалку. Шофер скорой наклонился, зажав папиросу зубами, его лицо на миг осветилось багровым.

– Телевидение? – раскуриваясь, спросил мужичек.

– Угу, – кивнул Лев Евгеньевич.

Он меланхолично наблюдал за бродящими по пепелищу силуэтами пожарных, заливающих пеной последние очаги возгорания, за усталыми лицами милиционеров, мелькающими в сине-красных вспышках патрульной «люстры», за неровным качающимся забором из голов собравшихся зевак, переговаривающихся друг с другом. Среди всех этих людей, дыма, копоти и обломков, то и дело проявлялась светлая жи-

летка Нечаева, и тут же пропадала, чтобы появиться в другом месте. Словно бок мечущейся рыбы в свете фонаря.

– Акула пера, – беззлобно пробурчал водитель.

– Опять какого-то «нового русского» взорвали, – не обращаясь ни к кому конкретно сказал водитель скорой. – Все разборки у них, терки-сходки. Второй подрыв за месяц. Огнестрелы уж и не считаем... Как думаешь?

– Угу, – промычал Лев Евгеньевич.

– А вот и я так думаю, – мужичек подошел ближе, найдя благодарного слушателя, указал огоньком папиросы в сторону дома. – Дня три назад барыгу одного забирали, кооператора. Ему утюгом все пузо пожгли. А паяльник... того... ну, сам понимаешь.

– Угу.

– Пока ехали, орал как резанный. Как больница показалась, так вырываться начал, мол не пойдете дальше. Типа, там его менты будут крутить и разводить, а они в этом страшнее любой братвы. Говорит, на дачу везите, да все, что нужно по медицине, там сделайте. Долларами, говорит, заплачу. Ну, нам же не жалко, мы и отвезли. А вчера видел его, в реанимации. У него черенок от лопаты... ну, там где паяльник был. И что у них за мода пошла всякие предметы в живого человека запихивать?

– Угу.

Лев Евгеньевич щелчком отправил окурок в сторону, устроился поудобнее, вдыхая прохладный ночной воздух.

Нашел глазами Нечаева – тот как раз лез с микрофоном к девушке, засыпая вопросами. Девушка, заплаканная, испуганная и растрепанная, вяло отбивалась, кутаясь в безразмерный милицкий бушлат, мотала головой и пыталась уйти. Но Артурчик свое дело знал – он лип, как банный лист, заходил с разных сторон и слово за словом вытягивал наружу эксклюзив, из-за которого и был настолько известен.

– Слушай, – шофер скорой легонько толкнул локтем Льва Евгеньевича. – А это твои там бегают, с камерой?

– Мои.

– А тот, в жилетке, случаем не Нечаев?

– Он самый.

– Да ладно! Тот, который криминальную передачу ведет?

Эту, как ее...

Мужичек защелкал пальцами, мучительно вспоминая, и, наконец, выпалил:

– «Криминальный след»!

Лев Евгеньевич только кивнул, важно и с достоинством.

– Ох ты! – хлопнул себя по боку шофер скорой, рассыпая искры от папиросы. – Мужикам скажу – не поверят!

Жилетка мелькнула возле самого дома. Нечаев с послушным оператором полезли на обломки, на которых виднелись перемазанные белые халаты врача и санитаря. Указывающий перст Артура приказал объективу буквально уткнуться в раскуроченную пожарными яму, из которой торчала голова волосатая нога с безжизненно повисшим на пальцах тап-

ком. Санитар попробовал было отогнать наглых телевизионщиков, но был атакован вопросами Нечаева и поспешно ретировался.

– Мы с женой его каждую пятницу смотрим, – доверительно сообщил Льву Евгеньевичу шофер скорой. – В программе передач помечаю, чтобы не пропустить. Интересные истории рассказывает этот твой Нечаев, ага. Прямо дух захватывает. То про рэкетиров, то про этих... убийцев... киллеров! И, главное, прямо выведывает все, не боится, ага. Вон, передача, где он про коррупцию в администрации показывал, так прямо с камерой в публичный дом заявился! Вот лица были у этих чинуш в простынях!

Лев Евгеньевич зевнул, потянулся, разведя в стороны руки.

– Только я внуку не даю эти передачи смотреть, – продолжил шофер скорой, кивая сам себе. – Уж больно сочно этот твой Нечаев все представляет. Вся эта бандитская романтика, легкие деньги, да ножики-пистолетики. Понятно, что и там кровищи хватает, но, сам же знаешь, пацанов она когда пугала? Боюсь, насмотрится внучек про этих, в малиновых пиджаках, да пойдет не той дорожкой. Это наше поколение на правильных книгах росло, на Пашке Корчагине, да на Тимуре с командой, а эти...

Шофер махнул рукой, длинно сплюнул. Хмыкнул, показав неровный ряд мелких желтых зубов.

– А твой – профессионал. О как вокруг моего Семеныча

кружит, наверняка уже всю подноготную вызнал.

Лев Евгеньевич вздохнул, дернул ручку двери и полез на водительское кресло. Буркнул на последок:

– Профессионал хороший, а человек – гавно.

Устроился на продавленное сиденье старенького «рафика», кинул под голову небрежно скатанную валиком куртку и, откинувшись, задремал.

Шофер скорой в нерешительности потоптался перед машиной телевизионщиков, закурил очередную папиросу, бросая взгляды на еле различимую в глубине салона фигуру Льва Евгеньевича. Потом, завидев возвращающихся врача и санитаря, щелчком отправил в полет окурок и полез за ба ранку.

Когда Лев Евгеньевич проснулся, площадка перед взорванным домом была почти пуста. Ночными тенями бродили оставленные дежурить постовые, да двое прохожих курили в сторонке, разговаривая друг с другом. Уехала медицинская перевозка, увозя тело хозяина дома и его зареванную девушку, уехали угрюмые пожарные, укатила следственная группа, оставив на обочине россыпь шелухи от семечек.

И лишь оператор Боря потерянным щенком метался по придорожным бурьянам, выкрикивая имя Артура. Заподозрив неладное, Лев Евгеньевич открыл дверь и, приподнявшись на подножке, выглянул из машины.

– Боря! – крикнул он оператору прокуренным голосом. – Что случилось?

– Артур пропал! – раздался из темноты полный тревоги голос. – Отошел отлить и как в воду канул! Двадцать минут уже ищу!

– Да здесь он где-то, – убеждено ответил водитель. – Как обычно, увязался за очередным очевидцем.

– Не мог он просто взять и уйти! – в голосе оператора промелькнула истеричная нотка. – Его, наверное, похитили!

– Да ничего с ним не случилось, – пробурчал Лев Евгеньевич, садясь на место, прячась от ночной прохлады в натопленном салоне машины. – Наверняка сморило нашу акулу от вечерних возлияний. Каждый день бутылки от беленькой выгребая из-под сидений. А я нанимался? Срубило Артурчика под кустом вот и весь сказ. Что б ему провалиться...

Глава 2

Старые двухместные дрожки жалобно заскрипели, увязая тонкими колесами в густой дорожной грязи. Извозчик привычно отклонился назад, натягивая поводья, и, когда пегая кобыла остановилась, фыркая и прядая ушами, равнодушно кинул через плечо:

– Прибыли-с.

Из-под поднятого тента, защищающего от мелкого октябрьского дождя, выглянули двое мужчин. Один, худой и нескладный, с благородной бледностью и зачесанными по последней моде «на пробор» волосами, чопорно морщился и всем своим видом выказывал недовольство. Холеные пальцы прижимали к узким ноздрям расшитый с вензелем платок, пропитанный ароматическими притирками, не способными перебить стоящую в воздухе вонь. Другой рукой мужчина удерживал накиннутый на плечи шерстяной плед, из-под которого выглядывали длинные ноги в мышинового цвета полицейских штанах с лампасами «в палец» толщиной и блестящие полуботинки с щегольскими прямоугольными пряжками.

Его сосед по жесткому купе казенной повозки выглядел иначе. Невысокий, не широкий в плечах, с незапоминающимся лицом и колючей запущенной щетиной с рыжеватым отливом. Высокие скулы, не раз поломанный нос, иронич-

но выгнутая линия губ. Стриженный совсем коротко, словно каторжанин, в лихо сидящей на затылке мятой фуражке и потертой шинели без опознавательных нашивок. Дополняли образ толстый моряцкий свитер с высоким воротом и видавшие виды, но все еще качественные сапоги с усиленными носами. Ни дать ни взять – один из ветеранов войны, коими полнятся окраины.

– Ну и вонь здесь! – не выдержал худой, трясая головой. – Придется одежду в стирку сдавать, пропиталась этими миазмами!

– Здесь бойни рядом, – пояснил «ветеран». – И газофабрика. И отстойник для золотарей.

– Фу! Прямо клоака!

– Окраины, – пожал плечами «ветеран», спокойно втягивая ноздрями холодный воздух.

Худой поежился, сунул руку за пазуху и достал монокль на цепочке.

– Ну, где это?

– А вот там, между трубой кочегарки и забором. Видите? Наверде цеха, с покатою крышей и пустой голубятней.

Дрожки остановились на вершине старого оборонительного вала, по которому ныне проходила окружная дорога, и обзор открывался широкий. «Ветеран» был прав – эти окраины города никогда не были благообразны и приветливы. Они выросли вокруг коптящих фабрик и химических мастерских. Потом дотянулись, словно кракен щупальцами, до

доков и верфи, подмяли скотоводческую артель и угрюмый доллгауз. С высоты вала все это виделось хаотичным нагромождением черных от копоти цехов с высокими трубами, болезненно желтых от дешевой штукатурки общественных казарм и серых промышленных построек. Карлики-работяги здесь почти не селились и не работали, предпочитая более чистый и современный фабричный район.

– Ты действительно уверен, что там сегодня будет собрание «Союза кометы»? – худой скосил глаза на соседа.

– Уверен, – кивнул «ветеран». – Должно быть, оно уже идет. Мы слишком долго добирались.

– А я вообще не пойму, на кой ляд я здесь тебе нужен, – вздернул нос худой.

– Господин заместитель полицмейстера, – судя по тону, «ветеран» уже не первый раз разъяснял своему спутнику, что к чему. – Я же докладывал – есть подозрение, что там могут находиться дворяне при высоких чинах. А я – обычный филер, не по рангу мне им обвинения зачитывать. Павел Никифорович, ну ей Богу, мог бы без вас – не тащил бы сюда.

– Ладно, – вздохнул Павел Никифорович, убирая запотевший монокль. – Только я с центрального входа подъеду, чтобы, значит, видели кто таков.

– И то дело, – кивнул филер. – Как начнем, знак подам. Ладно, пошел я.

Он встал в рост, запахнул шинель, пробежался пальцами по крючкам. Надвинул на глаза фуражку и смачно спрыгнул

в грязь.

* * *

Пустынная улочка, сдавленная с обеих сторон лоснящимися от влаги стенами фабричных построек, вызывала закономерное неприятие. Густой дух канализационных вод поднимался над поросшими плесенью чугунными решетками, стремился к узкой полоске хмурого осеннего неба над головой. Каменная кишка улочки уходила вперед, там расширялась и упиралась в задний фасад заброшенной кожевенной мастерской.

Мало кто по собственному желанию желал посещать подобные места. Для тех же, кто решался на столь неблагоразумный променад, прогулка часто заканчивалась в ближайшей канаве – окраины кишели шайками всевозможных бандитских каст, от мелких щипачей до грабителей-«храпов». И даже тросточки со свинцовыми набалдашниками, да миниатюрные «карманные» пистолетики, не могли защитить приличного человека в темный час.

Этот район носил стойкое название Глотка, одновременно обрисовывая внутреннюю сущность и особенность местности. Здесь могли зарезать за стальной зуб, избить за косою взгляд и раздеть до исподнего просто смеха ради. Сюда без крайней надобности не ездили благородные господа на дорогих паромобилях, сюда старались не заходить почтальоны, а единственным благочестивым местом являлась церковь при «доме безумцев» доктора Мюллера.

Именно в таком бульоне по роду службы приходилось вариться унтер-офицеру уголовно-сыскной полиции Ивану Акимовичу Воронину.

Сегодня сыщика ждал, как он сам надеялся, финал долгой и тяжелой работы по поиску и поимке группы людей, повинных в похищениях и убийствах. Долго, очень долго Воронин выходил на этих осторожных и пугливых особ, тщательно расставлял сети и внимательно слушал людскую молву. И вот, наконец, ловушка была готова захлопнуться.

В последние года, среди романтичных юнцов и господ постарше, наблюдалось повальное увлечение тайными обществами и ложами. В иных компаниях даже стало дурным тоном не относиться или не состоять в оных. То и дело можно было увидеть богемных франтов с загадочными перстням, на коих изображались черепа, змеи или циркули с мастерками. Праздными вечерами у приветливых дам собирались любители окунуться в мир спиритизма или иных волнительных обрядов давно забытых народов. В большинстве своем подобные «игры в секрет» носили безобидный, дурашливый характер, лишь щекотали нервы и давали возможность развеять лень будней.

Но члены «Союза кометы» были иными. Они называли себя научными оккультистами и у Воронина были все основания полагать, что именно эти люди стоят за найденными в окрестностях Глотки мертвецами.

Филер приподнял полы шинели, перепрыгивая грязный

ручек, чуть не упал, поскользнувшись.

– Аккуратнее, Иван Акимович, – раздался низкий хриплый голос с легким восточным акцентом.

Навстречу сыщику вышел человек в короткой запашной куртке из дешевой синей ткани, в холщевых шароварах, заправленных в сапоги. При невеликом росте Воронина, он макушкой еле доставал филеру до груди, зато имел плотно сбитую фигуру и мощные мускулистые руки. Удивляться тому не стоило – представители расы карликов отличались «низкой» статью, свойственной рабочему люду, а также завидным добродушием и покладистостью. Их широкие и крепкие руки плохо подходили для изысканной и филигранной работы, зато не уставали от тяжелого и изнуряющего труда. Впрочем, сыщику встречались карлики, сносно играющие на гитарах и даже на кларнетах. Как говорить, из всяких правил бывало исключений.

Так вышло и с этим карликом – его руки с легкостью превращались в эдакие боевые молоты, разящие жестко и метко. И, в отличие от своих сородичей, ему это нравилось.

За это, а также за ряд других не менее важных качеств, и ценил своего товарища Иван Воронин.

– Доброго дня, – карлик встретил сыщика крепким рукопожатием. Его широкое лицо, обрамленное густыми бакенбардами, и чуть раскосые черные глаза выдавали в нем уроженца восточных провинций Империи, если даже не Китая.

– Здравствуй, Алтан, – коротко кивнул филер. – Птица в

клетке?

– В самой что ни на есть, Иван Акимович, – весело оскандился карлик. – Пора бы уже ее захлопнуть.

Дальше они пошагали вместе, приближаясь к старой мастерской.

– Все объявились? – деловито осведомился сыщик, натягивая черные кожаные перчатки. – Ничего не заподозрили?

– Неа, – мотнул головой Алтан. – Их тама четверо прибыло. Приехали на наемном паромobile, отпустили его у шлюза и сюда пехом шли. Вот буквально перед вами еще один объявился, с ним Жанка.

– Как она?

– Как вы ей и велели – улыбается и делает вид, что не понимает, зачем ее сюда привезли.

– Славно. Теперь главное успеть вовремя.

Мужчины обогнули кривой угол дома, вышли на прямоугольную площадку перед двухэтажным зданием с узкими оконцами под крышей с осыпающейся черепицей. Здесь, рядом с черным входом в мастерскую, их уже ждали трое, по виду вылитые головорезы. При первом же взгляде на манеру одеваться, на хищно выдвинутые челюсти, маленькие глазки и пудовые кулачища становилось ясно, что мужички явно принадлежали к когорте бандитов и душегубов.

– Ты где их выискал? – сквозь зубы прошептал филер товарищу, останавливаясь.

– Так сами же велели поискать, кого покрепче, – развел

руками карлик. – Крепче этих не нашел.

– Они в курсе кто я такой?

– Да им все равно, – заверил Алтан. – Кто платит тот и главный. Это Бабошки, наемные драчуны и вышибалы. Братья.

– Заметно, что братья, – хмуро ответил сыщик. – Ох, Алтан, если эти архаровцы нашим господам головы поотшибают, я с тебя первого шкуру сниму.

– Ну и взяли бы своих соколов из охраны, – насупился карлик, дергая себя за бакенбард. – Есть же у вас там летучий отряд?

– Не до наших им проблем. Мы слишком мелко с тобой плаваем.

– А этот ваш, Павел Никифориич чего же? Уж мог бы подсобить. Или как обычно?

– Как обычно. Да оно и к лучшему, не любит он к земле ближе опускаться. Ладно, нечего выжидать. Веди меня к своим башибузукам.

Карлик ускорил шаг, чтобы первым дойти до угрюмой тройцы и представить сыщика. Мужички завозились, поводя плечами и длинно сплевывая сквозь щербатые зубы.

– Вот, Бабошки, этот тот самый господин, – жестом указал на подходящего филера Алтан.

Бабошки разглядывали Воронина, сыщик рассматривал их. Наконец один из молодцов вышел вперед, сгреб лапищей со своей головы кепку и чуть поклонился. Прогудел:

– Доброго дня, господин хороший.

– Доброго дня, – откликнулся сыщик. – Алтан обрисовал, что от вас требуется?

– Да, все объяснил, – кепка вернулась на место, на филера уставились колючие глаза водянистого цвета. – Войти с оркестром, всех повязать.

– И не зашибить, – указал карлик, бросая смущенный взгляд на Воронина.

– И не зашибить, – эхом отозвался здоровяк.

– Все так, – кивнул филер. – Клиенты внутри благородные, потому зубы и глаза не выбивать. Помните бока малость, но и только. И вот еще – там будет девушка, ее не трогать. Она с нами.

– Понятно, – пробасил главный Бабошка.

– Тогда, господа, готовимся и выступаем. Я пойду этим ходом, вы спуститесь через чердак. Один пускай центральный вход сторожит, мало ли что. Алтан!

– Чавой?

– Как дело пойдет, сигнальный шар пусти. Это будет наш сигнал для Павла Никифоровича. Вот, возьми.

Сыщик передал товарищу небольшой слутый каучуковый шарик алого цвета и маленький медный газовый баллончик. Стоило лишь вытащить из баллончика деревянную пробку и легкий газ наполнит шарик, которым ярким сигналом взмоет в небо.

Алтан кивнул, убрал все в карман и вытащил из рукава

короткий халифатский арбалет, не больше двух ладоней в длину.

– Ты только острые не заряжай, – предупредил его Воронин. – С тупыми наконечниками бери.

– А то я не понимаю.

Сам же филер выудил из специальной наплечной кобуры поршневой пневматический пистолет с коротким рычагом взвода сверху. Пятигранный ствол отливал хромом, латунные накладки с вензелями придавали оружию вид дорогой и изысканный. В рукоять, на тугую пружину, помещалось до шести оперенных пуль, хитроумный спусковой механизм располагался в продолговатом корпусе затвора. Одним движением рычага стрелок и досылал очередную пулю в ствол, и нагнетал воздух в мощном поршне.

Конечно, такое оружие не могло сравниться в скорости и убойности с армейскими образцами, но для тех задач, которые приходилось выполнять Воронину, оно подходило более чем.

Бабочки ограничились короткими деревянными дубинками устрашающего вида, с вмятинами и подозрительными подтеками.

– С Богом, господа, – махнул рукой филер.

Его временные соратники только этого и ждали, задвигались для своего телосложения на удивление споро – один скрылся за углом, направившись к центральному входу, двое ловко вскарабкались по стене на крышу, скрывшись в тем-

ноте чердачного окна.

– Запускай шар, – напомнил сыщик карлику и рванул на себя хлипкую дверь с дребезжащей оковкой.

Он оказался в полутемном клетушке, где в углу догнивали брошенные скорняжные обрезки. Быстро пересек комнату, толкнул следующую дверь, которая с душераздирающим скрипом взвизгнула ржавыми петлями. Отбросил рукой черную ткань, закрывающую дверной проем, и понял, что Бабошки стоили своих денег.

По центральному цеху мастерской, среди заскорузлых шкур, болтающихся на ржавых цепях, среди растяжных веревок и разделочных рам, сшибая пыль с трухлявой мебели и врезаясь в поломанные верстаки, затравлено носились люди в коричневых балахонах. Бабошки, словно охотящиеся на рыб медведи, методично вылавливали их по одному и короткими ударами дубинок отправляли на пол. Стоял испуганный ор и сопение.

Прямо в центре цеха громоздилась странная конструкция. В чане бурлил, лопааясь тугими пузырями, зеленоватый кисель. Нечто похожее филеру приходилось видеть в химической лаборатории одного естествоиспытателя, увлекающегося поисками философского камня. Как и в прошлый раз, сыщику было сложно понять устройство и принцип работы агрегата. Тут был высокий котел с непонятными символами по ободу, под которым горели газовые горелки. Было хитросплетение медных трубок, переходящих в фильтры и ретор-

ты. Были лежащие в ряд инструменты из анатомического театра, пучки трав и части тел лягушек и птиц. Тут же, в тени откинутого полога, находился самый настоящий гроб, в котором, пыхтя паром и демонстрируядвигающиеся шестеренки через бесстыдную дыру в распахнутой груди, стояла нагая механическая кукла женской внешности.

Голем со стеклянными глазами и париком на металлической голове.

По другую сторону конструкции, на широком разделочном доске, под жуткой системой из крюков и медицинских игл, лежала пристегнутая ремнями девушка. Ее стройную фигуру, с упругими бедрами, узкой талией и высокой грудью, не могло скрыть цветастое платье с обилием рюшек и воланов. На ногах и запястьях девушки виднелись многочисленные браслеты, которые должны были позвякивать при ходьбе. На миловидном лице с задорно вздернутым носиком двумя синими омутами выделялись крупные глаза, длинные остроконечные уши без мочек зарывались в густые русые волосы, уложенные по последней виларской моде.

И под всем этим, на полу, мелом были начертаны круги и звезды, столь любимыми мистиками всех мастей.

– Я уже заждалась, дорогой Иван, – с укоризной сказала подходящему филеру девушка. – А то, как бы не успели?

– Мы бы успели, – улыбнулся сыщик. – С тобой все в порядке?

– Конечно! – беззаботно откликнулась девушка, – Но я

требую надбавки к обещанному. Я ментально опустошена и пристыжена – меня дважды схватили за грудь. Я негодную.

– Там видно будет, – усмехнулся Воронин, расстегивая пу-
ты.

Иван слишком хорошо знал повадки этой чертовки, тан-
цовщицы Жанки. Эта полукровка взяла все самое лучшее от
своих родителей – красоту и грацию от отца-вилара, танцора
и повесы, а хитрость и острый ум от матушки – гадалки, а по
совместительству воровки и мошенницы. Питомец кочую-
щего цирка-шапито, Жанка рано познала дно жизни и теперь
всеми силами выбивалась наверх. И даже Воронин не мог с
уверенностью сказать, что эта хитрая бестия играет на его
стороне. У Жанки, казалось, была лишь ее собственная сто-
рона, подчиненная прагматичности и тонкому расчету, ис-
кусно замаскированная под личиной легкомыслия и дураш-
ливости.

Когда в цех ворвался Алтан с заряженным арбалетом на-
перевес, все было уже кончено. Господа в балахонах тихо по-
станывали подле стены, опасливо бросая взгляды на застыв-
ших рядом Бабошек. Жанка с интересом разглядывала меха-
ническую куклу. А филер деловито перебирал лежащие ин-
струменты. Один экземпляр его очень заинтересовал.

– Всех повязали, Иван Акимович? – осведомился карлик,
жадно осматриваясь, словно опоздавший на охоту пес.

– Всех, – задумчиво ответил филер и направился к
неудавшимся чернокнижникам. Подле них уже вертелась

Жанка, показывая им язык и насмехаясь, как может насмеяться только уличная девка. Сыщик жестом отогнал ее, встал напротив задержанных, поигрывая пистолетом.

– Мы все отдадим, только не убивайте! – взвизгнул один, не выдержав. На него презрительно шикнул сосед, гордо вздернул подбородок и прямо посмотрел Воронину в глаза. Филер не отвел взгляд и они несколько мгновений играли в «гляделки».

– Холопы! Вы не знаете, с кем связались, – наконец процедил сидящий на полу.

Ближайший к нему Бабошку замахнулся было дубинкой, но сыщик отрицательно покачал головой.

– Будет с них пока. Еще не вечер.

Полумрак цеха озарил серый дневной свет, когда открылись двери центрального входа и в мастерскую, брезгливо морща нос, вошел заместитель полицмейстера Павел Никифорович Зорин. Он оставил плед в повозке, теперь блистал пуговицами и полосками на погонах.

Зорин поправил фуражку с витым шнуром-филиграном, прошествовал к сидящим господам, проигнорировал бандитские рожи Бабошек и торжественно принялся предъявлять обвинения. Задержанные было загалдели, увидев, что их не собираются грабить и убивать, а всем действием заведует уголовный сыск, но уже было поздно – Павел Никифорович невозмутимо закончил свой спич и обернулся к стоявшему в стороне Воронину.

– Задержание подтверждаю. Можете препроводить господ в околоток. И не забудьте вестового послать в Управление, чтобы прислали специалистов по... этим агрегатам.

И также величественно, вышел вон, являя собой независимость и суровость закона.

Бабошки под руководством Алтана подняли горе-мистиков, принялись толкать их наружу. Руки все же вязать не стали – все же благородных кровей убивцы. Вдруг Жанка подскочила к идущему предпоследним, рванула за рукав и вцепилась хлесткую пощечину, от звука которой зазвенело в ушах.

– Подлец! Насильник! – воскликнула она.

Алтан бросился между девушкой и испуганно прижимающим ладони к лицу мужчиной, оттолкнул виларку, замахал на нее руками. Девушка на удивление легко отстала, лишь фыркнула на прощание. Отряхнула с подола пыль, весело подмигнула убирающему оружие филеру:

– Гони монету, сладкий. Пора мне идти уже, а то стемнеет скоро. А ты знаешь, как опасно ходить ночью одинокой беззащитной девушке по улицам.

– Представляю, – согласно кивнул Воронин. – Только вот оплату я тебе отдам не раньше, чем ты мне вернешь то, что украла.

– Да что вы такое говорите, господин сыщик? – всплеснула руками танцовщица. – Я украла?

– Жанка! – строго сказал филер. – Ты мне это брось, я все твои трюки уже давно выучил. Ну, отдавай, чего стащила.

– Ну и пожалуйста, – надула губки девушка и выудила из складок рукава широкий черный браслет.

По крайней мере, таким сначала предмет показался сыщику. Он действительно очень походил на браслет с небольшой металлической застежкой. Но вот все остальное... На незамкнутом кольце из неизвестного Воронину материала, плотного и крепкого, но также гибкого и эластичного, светилось небольшое окошко с мигающими зелеными цифрами и двоеточием посередине. Цифры показывали «21:15». Филер даже поковырял пальцем, надеясь, что это обман зрения. Но добился лишь того, что число мигнуло и превратилось в «21:16».

Сыщик поспешно убрал палец и зачаровано наблюдал, как мерцает двоеточие между цифрами.

– Ну, я жду, – вернул его в реальность голос девушки.

– Да-да. Вот, возьми, – Воронин вытащил худую пачку купюр, передал Жанке. Та изобразила недовольство, но деньги взяла с завидной скоростью и пересчитала, высунув язык от усердия.

Филер хмыкнул, сжал черный браслет в кулаке.

– Ладно. Пора допросить их, пока тепленькие.

Глава 3

Нервно шурша ногами под стулом, елозя на жестком сидении и хлопая разбитым носом, под которым уныло поникли тонкие усики, в допросной перед Ворониным сидел сынок потомственного землевладельца Мининкова Сашенька. По печатному паспорту – Александр Варламович Миненков, двадцати годов отроду, а по существу – недоучившийся студент, ныне транжира, гуляка и игрок на бегах. Будучи единственным сыном и наследником, без стеснения злоупотреблял папенькиными добрым отношением и капиталом.

– В самом деле, Александр Варламович, – прогудел полицейский надзиратель Лапин, похожий на оживший валун. – Вы то как умудрились затесаться в эту компанию? Зная вашего папеньку, достопочтимого и уважаемого Варлама Никонovichа, я мог бы уверовать в некое недоразумение.

– А, быть может, недоразумение и есть? – спросил Воронин, бросая хитрый взгляд на Лапина. – Что если Александра Варламовича обманом вовлекли в эту преступную ячейку? Что если он жертва обстоятельств?

И обратился к Миненкову, чей взгляд прыгал с филера на монументальную фигуру надзирателя.

– Так как же, Александр Варламович? Вы сообщник этих убийц и душегубов, либо же всего лишь, невинная жертва, запутавшийся по жизни человек?

Было физически ощутимо, как внутри молодого дворянина буквально скрепят шестеренки и бухают поршня – до того мучительно на его лице отражался полет мысли. Жалкий и напуганный, он пытался понять, в чем подвох и как бы не прогадать, но не решался сделать хоть что-нибудь.

Сыщик, видя такую нешуточную борьбу человека с самим собой, решил подтолкнуть его в нужную сторону, продолжив игру.

– Егор Аркадьевич, – повернулся он к Лапину. – А что, господа Касницкий и Сеницин действительно валят все на этого замечательного молодого человека?

– Увы, да, – сокрушенно вздохнул Лапин. – Говорят, что именно он мозг их организации и главный исполнитель убийств...

И тут Миненков не выдержал. Его дрожащие губы раскрылись и он торопливо затараторил, судорожно сглатывая и всхлипывая. Воронин только успел сделать жест стенографисту, чтобы тот записывал пробивающиеся сквозь жалостливые мольбы и обличающие подельников выкрики описания преступлений, имена, факты и даты. По щекам юноши текли слезы, нос покраснел и распух. Воронину даже не приходилось задавать наводящие вопросы, Миненков с готовностью расставался с грузом знаний.

А потом, совершенно неожиданно, прозвучало имя, которое заставило Ивана вздрогнуть и придвинуться ближе к задержанному. Дальше он слушал с особым тщанием.

Спустя час, когда Воронин с Лапиным вышли из допросной, у них было более чем достаточно, чтобы сделать соответствующие выводы обо всей криминальной деятельности «Союза кометы». Однако, это дело больше не интересовало Воронина.

– Толмач! – Иван не смог сдержать возбужденного выкрика. – Ты слышал, что он сказал? Толмач!

– Ты думаешь, это тот самый? – надзиратель с сомнением поскреб скулу.

– Егор Аркадьевич, дорогой! – Иван невесело усмехнулся, его глаза заблестели. – Других таких не сыскать. Тот это Толмач, я вам говорю, тот.

– Ну, не знаю..., – неуверенно протянул Лапин. – О нем, вроде бы, года два ничего не слышно.

Филер нервно прошелся туда-сюда, скрипя старыми половицами коридора, похлопал себя по карманам в поисках нюхательного табака. Не найдя заветной жестяной коробочки, цыкнул зубом и заговорил:

– Я ведь за ним, поди, десять лет охочусь, Егор Аркадьевич. Еще с тех пор, как в топтунах бегал. Я тогда-то впервые о Толмаче и услышал, когда на Химинской церковь ограбили. Мне же тогда еще покойный Силантий Олегович наказ дал, всякие подобные истории собирать.

Лапин привычно сложил руки на животе, сцепив пальцы в замок, прогудел:

– Помню-помню такое. Так вроде бы поймали во-

ров-нехристей?

– Они-то про Толмача впервые и рассказали, – кивнул Воронин, останавливаясь напротив надзирателя. – Мол, появился человек, который разные криминальные схемы ведаёт. Мол, за деньги, может научить, как заработать «по-черному».

– Ну, ты меня совсем уж за олуха не держи, – насупился Лапин. – Кто таков Толмач и чем известен знаю.

– Ох, Егор Аркадьевич, не умаляю вашей осведомленности, но думаю, что знаете вы далеко не все, – без тени высокомерия предположил Воронин. – Знаете ли вы, что до сих пор не известно ни имени его, ни рода? Известно только, что невысок, худ и неприметен. Что говорит чудно, вроде бы с акцентом, но не понятно с каким.

Иван повернулся к небольшому окну с крестовиной рамы, из которого открывался вид на Разъездную улицу.

– Толмач никогда не совершает преступления сам, – продолжил филер свой рассказ замолчавшему Лапину. – Он лишь рассказывает о том, как их можно совершить. Будто бы знает все наперед, будто бы уже видел их когда-то. Все его истории обладают какими-то дьявольскими извращенными гранями, делающими преступления особенными, немислимыми. Он настоящий злой гений преступного мира, Егор Аркадьевич, искуситель, толкающий людей на ужасные поступки.

Лапин машинально перекрестился, трижды сплюнув че-

рез левое плечо.

– Я слышал, что Толмача был под крылом у Петьки Черного, – вставил он.

– Сначала да, – согласился Воронин. – Потом, когда Петьку застрелили при нападении на почтовый паромобиль, Толмача приютил Махмед Башкир. Потом Сява Носатый. И каждый берег Толмача, как ладанку, скрывая от своих и чужих. Слух ходил, что Толмач удачу воровскую приносит.

– А, правда, Иван Акимович, что это по навету Толмача портовые бандиты взяли в моду вывозить торговых за город и там пытаться? – спросил Лапин.

– Правда. И в холодной их держали, чтобы за выкуп родным возвращать. Или пальцы рубили.

– Как турки-басурмане прямо, – возмутился надзиратель. – Разве ж так можно с братьями по вере-то?

– Да какая там вера, Егор Аркадьевич, – отмахнулся сыщик. – В душе, где корысть, Бог не живет. Это же по совету Толмача банда Бычка налетала на церкви и монастыри, не гнушаясь ни чем. Когда такое было, чтобы богобоязненный имперский подданный руку на иконы поднимал?

Воронин вновь заходил туда-сюда, вспоминая все больше и больше. Лапин слушал его с затаенным интересом, провожая немигающим взглядом.

– А помните, Егор Аркадьевич, как у нас стариков да бесноватых заставляли квартиры переписывать на подставных? – щелкнул пальцами Иван. – Тоже Толмача идея. Бу-

маги проводили через фирмы, а несчастных в угольный карьер увозили.

– Страсти-то какие, – полное лицо надзирателя покраснело от возмущения, глаза округлились. – Да как такое вообще возможно в наш пресвященный двадцать первый век!

– А вот так, Егор Аркадьевич. Так Толмач чужими руками претворял свои кровавые истории в реальность. Да хоть бы вот, что нам Миненков рассказал. Про то, что кто-то когда-то смог вложить в мертвый материал живую душу. Я сначала подумал, что как вообще взрослые люди могут поверить в подобное. Но когда услышал имя, то сразу все понял. Толмач обладает таким даром, таким авторитетом, что все его истории считаются былью.

– Бесовщина какая-то, – угрюмо подытожил Лапин. – А все от безнаказанности, от либеральности этой иноземной. Как головы запретили рубить, так расслабился народец, ничего не боится. А надо как встарь – если не на плаху, так в кандалах пешим этапом до Соловков, грехи замаливать!

– Не заводись, Егор Аркадьевич, – филер положил ладонь на покатое плечо Лапина, успокаивая. – Все им сполна сбудется. Я могу долго рассказывать, и про пирамиды финансовые, и про угоны паромобилей, и про заказные убийства, и про насилие безнаказанное. Да только я вспоминаю, и будто в другой мир окунаюсь, в страшный и кровавый, в котором Толмач этот байки свои черпает. И до того мне тошно становиться, что хочется бросить все и изловить этого злодея раз

и навсегда. Но ты, друг мой Лапин, лучше скажи, что думаешь вот по этому поводу?

Сыщик, с видом заправского факира, выпростал вперед руку и раскрыл ладонь. На ней лежал черный браслет с мигающими световыми цифрами.

– Ох, – только и смог проговорить надзиратель, удивленно поднимая кустистые брови. – Это что за цаца?

– А вот, изъяли. Это, Егор Аркадьевич, хронограф такой. И знаешь что? Сдается мне, что это Толмача вещичка. Уж очень она с ним похожа таинственностью происхождения и внутренней необычностью.

– Мда, вещичка прелюбопытнейшая, – надзиратель с опаской потрогал пальцем неизвестный материал браслета. – Быть может, орденская?

И тут же отдернул руку, словно внезапная догадка ударила его в самое темечко, пробормотал, прикрывая рот ладонью:

– Ты действительно думаешь, что Толмач действительно из...?

Надзиратель не договорил и опасливо потыкал пальцем куда-то вверх.

– Я, Егор Аркадьевич, много чего думаю, – улыбнулся Воронин, – Но, первое, кажется мне лишь одно. Что сей субъект – британский шпион.

В коридоре воцарилось молчание, даже стало слышно, как на втором этаже шипит поршнями архивная машинка, перекладывая членистыми щупами карточки.

– Надо сообщить в охранку, – страшным шепотом сказал Лапин, пуча глаза. – Это же государственное дело!

– Надо, – в том ему ответил Воронин. – Только что мы им доложим? Докладывать пока особо нечего. С нашими баснями засмеют нас в охранке, Егор Аркадьевич.

– Только не говори, что ты...

– Нам нужно узнать больше, – сыщик убрал странные часы в карман. – У нас есть примерное описание этого интересного господина от Касницкого и Синицина. Фельбух так же упорствует? Не хочет говорить?

Лапин покачал головой.

– А Слипенький?

– С ним сейчас Павел Никифорович.

– Тогда стоит подождать. Среди них главный как раз Фельбух. Разговорим его – узнаем что хотим. Подсобишь?

– Конечно, – хищно улыбнулся надзиратель. – Как не помочь!

Глава 4

Набережная Софийского канала была по субботнему многолюдна и шумна. Горожане стремились насладиться последними теплыми деньками уходящей золотой осени, когда солнце еще довольно долго держалось над горизонтом, рассыпая медовый свет на стены домов и камни мостовой, а северный ветер не успел набрать пронизывающей силы. Вдоль чугунных оград сыто и неторопливо фланировали кавалеры с дамами, отцы семейств с женами и отпрысками, полные достоинства военные чины на побывке и ведущие светские беседы господ. Тут же мелькали одежды и попроще – в открытых верандах восседали усатые купцы средней руки, теребя на показ ручные часы, их жены старались соответствовать дамам познатнее, но их выдавал слишком грубый и громкий говор. Романтичные студюзы жарко спорили в сторонке о судьбах Империи и дипломатических отношениях между странами, о возможной войне с Британией и о моде на узкий покррой.

В этом старом, центральном, районе города Воронин бывал редко. Когда-то давно, казалось, и вовсе в прошлой жизни, он гулял под сенью ухоженных кленов куда как чаще. Сыщик еще помнил времена, когда фонари вдоль канала были обычными, масляными, они чадили и источали густой горелый запах. Сейчас же их заменили на современные, с круг-

лыми стеклянными шарами, наполненными поставляемыми акватиками светящимися рачками, плавающими в морской воде. Рачки меняли цвет в зависимости от уличной температуры, от алого в жаркие дни и до нежно-голубого в прохладные. От этого каждый раз набережная будто выглядела по иному, а многим живущим в близлежащих домах цвет фонарей помогал определиться с фасоном одежды на выход. Что ж, скоро нагрянут холода и этих морских светлячков, до следующей весны, заменят на газовые горелки.

А вон будка башмачника. Когда-то рядом сидел его внук, предлагая почистить прохожим обувь. Теперь же мастер позволил себе паровой механизм, который справлялся с работой внука быстрее и лучше. Теперь не надо было сидеть по пять минут в кресле, стоило просто подставить ботинки под размеренно крутящиеся валики.

Предаваясь ностальгии, филер вышел к величественному собору, в честь которого был назван канал. Приветливо прикладывая пальцы к полам шляпы, отвешивая короткие полупоклоны, он прошел мимо открытой кофейни, где за изящными французскими столами, кутая своих спутниц в теплые пледы, попивали кофе и курили кальяны отдыхающие господа.

Здесь до слуха Воронина донеслись характерные звуки, идущие со стороны горбатого мостика через канал. Там уже собралась довольно внушительная толпа любопытствующих, к ним то и дело присоединялись идущие мимо зеваки. По-

спешил туда и сыщик.

Извиняясь и аккуратно отводя за локоток, вдыхая разно-голосый аромат духов и притирок, улыбаясь и тактично обходя, Воронин пересек ждущий представления народ и оказался прямо у перил.

Внизу, в водах канала, готовились к старту «скаты» с легкими жокеями на спинах. Покачиваясь на волнах вдоль натянутой желтой ленты, они действительно напоминали морских дьяволов – похожих на порождение кошмара рыб с орлиным разлетом треугольных плавников, вынесенными вперед рогами и постоянно открытой в плотоядной страсти пастью. На деле же это были гоночные машины с небольшими паровыми двигателями внутри. Сидящий на спине «ската» жокей, держался за «рога», управлял ими словно кавалерист поводьями. Сквозь распахнутую «пасть», представляющую собой раскаленную трубу, в котел попадала вода, превращалась там в пар, и с бешеной скоростью вращала похожий на веретено двигатель, торчащий, словно хвост-шип, позади «ската».

Гонки на «скатах» были уделом аристократии. Самый простой «скат» стоил как две лошади, уход же обходился еще столько же. За самые дорогие скоростные лодки, работающие на акватинском мальварине, иные господа не гнушались отдавать породистых жеребцов с внушительной родословной.

Воронин обвел взглядом собравшуюся по обе стороны ка-

нала толпу, взглядываясь в лица и подмечая детали одежды. Нет, искомого человека не видно. Что ж, обождем малость. Не хотелось бы думать, что Фельбух обманул их.

– Иван Акимович! – раздался совсем рядом радостный звонкий девичий голосок. – Я так рада вас видеть!

Филер обернулся и не смог сдержать улыбку.

В воздушном шифоновом облаке на него летело чудное создание с большими синими глазами и искрящимся смехом. Не успел он опомниться, как его окутал тонкий аромат цветочных духов, шею оплели тонкие руки и на небритую щеку приземлился неловкий, но искренний поцелуй.

– Махда, *jeune création*! – донесся вдогонку густой возмущенный женский голос. – Не на людях! Фи, неприлично!

Девушка отпрянула, но лишь ради успокоения нервов своей спешащей няни, урожденной корсиканки Стеллы Коллоны, полностью соответствующей своему звучному имени. Сама юная особа, семнадцатилетняя Мария Галицина, являлась полной противоположностью гувернантки, была хрупкой, тонкой и почти невесомой. Она буквально души не чаяла в своем двоюродном дядьке по материнской линии Иване Воронине, и сыщик отвечал тем же.

– Здравствуйте. Какими судьбами? – филер отстранился и оглядел с ног до головы племянницу. – Мари, ты сегодня просто оборожительна!

– О, спасибо! А мы прогуливались по парку, когда мальчишки прокричали о начинающихся гонках! – затараторила

Мария. – Стелла твердит, что не девичье дело вечерами по каналам расхаживать, но я страсть как хочу на посмотреть!

– Mon dieu, Махда! – гувернантка уперла крупные руки в покатые бока и насупила губы с заметными темными усиками. – Гонки и скачки для солидных мужчин, дело девицы заниматься домом! К тому же, мы помешали променаду Ивана Акимолвича...

– И ничегошеньки не помешали! – девушка с надеждой посмотрела на филера. – Ведь верно?

Сыщик хотел ответить, что действительно несколько занят, но тут судьи дали старт и слова потонули в оглушительном реве горна. Толпа качнулась к перилам, оглушительно засвистели паровые двигатели, Машенька зажала уши тонкими ладонями в узорных перчатках...

И тут Воронин увидел его. В точности, как описывал Фельбух – высокий, с надменным «немецким» лицом, в необычных очках с полупрозрачной оправой. Одетый в черный котелок, пальто не по сезону и ботинки с желтыми носами. Зовет себя...

– Артур! – крикнул что есть мочи филер. – Толмач!

Мужчина остановился и закрутил головой, выискивая источник голоса.

Точно он!

– Простите великодушно! – сыщик обогнул пискнувшую девушку, закричал, пробиваясь через народ:

– Алтан! Бери его!

Но тот, на кого указал лидер «Союза кометы» оказался не прост. Заметив, что к нему рванулись сразу с нескольких сторон, он быстро бросил что-то на землю и побежал по улице, пригибая голову.

Грохнуло так, что лопнуло стекло в близлежащей пуговичной лавке. Стоящие рядом люди попадали на землю, закрывая головы руками. Протяжно завизжали женщины, испуганно заголосили дети. В воздухе кисло завоняло боготмерзким порошком.

Воронин, ослепший от яркой вспышки и практически оглохший, поднялся с тротуара, со всех ног бросился за удаляющейся фигурой. Алтан и трое из летучего отряда отстали, увязнув в брызнувшей в разные стороны истерящей человеческой массе.

Британский шпион свернул в переулок, филер последовал за ним, на бегу вытаскивая пистолет и взводя поршень. Гулко отдавался стук каблуков от стен, жались по сторонам редкие прохожие.

Поворот, еще поворот. Через сквозной подъезд и на право, мимо заведения цирюльника. Преступник бежал резво, успевая оглядываться и маневрируя. Воронин не стал искушать судьбу, вытащил из кармана свисток и засвистел, призывая на помощь ближайших постовых.

Шпион резко вильнул в сторону, пробежал под низкой аркой во дворы и скрылся в кустах. Филер, как ни хотел, последовал за ним, прикрывая лицо от хлещущих веток.

В лицо прыгнула земля, вперемежку с камнями и рваными корнями. Взрывная волна откинула филера назад и в сторону, жестко ударив о застарелый пенек. Воронин, еще не понимая, что чуть было не погиб, вдыхая едкий пороховой дым, не стал вскакивать, а, преодолевая боль в боку, перекатился за старую вербу.

Они оказались в глухом дворе черного входа в Салтыковские бани. Задний двор порос кустами акации и сирени, над ними раскинули могучие ветви несколько тополей. Сам вход в бани обычно запирался изнутри, открытым оставался лишь домик дворового служащего, где тот хранил инструменты. Вот в него-то и забежал Толмач.

Воронин приподнялся на локтях и выглянул из-за дерева. Из темноты дверного проема щелкнуло и на голову сыщика посыпалась отлетевшая кора. Филер выстрелил в ответ, почувствовав, как мягко толкнулось оружие в руке. Вновь передернул поршень.

Из домика вылетел небольшой черный мяч, оставляя позади сизый дымок, упал в траву и покатился в сторону Ивана. Филер успел лишь сообразить, что произойдет, как пороховая бомба взорвалась.

Зажатый стенами звук обрушился на него, разрывая барабанные перепонки и вдавливая тело в прелую листву. Над головой со свистом пронеслись осколки, сверху посыпались сорванные взрывом ветки.

Сыщик не выдержал и заорал.

Кто-то тучно опустился рядом, грохнувшись оземь. Воронин перевернулся на бок, выставляя пистолет. Но его аккуратно прижали, отбив оружие в сторону. Сквозь плывущую перед глазами пелену вырисовалось волевое лицо мужчины с лихо закрученными усами и пальцы, держащие жетон с номером и регалиями третьего отдела Имперской канцелярии. Сквозь заполнившую уши вату пробился голос:

– ... дальше мы!

В поле зрение всплыли еще три фигуры, на всех – противогазовые маски с длинными гофрированными «носами». В руках у одного Воронин увидел помповое ружье, которое с коротким «пфф!» исторгло дутый цилиндр, со шлейфом зеленого дыма унесшийся внутрь убежища шпиона. Стало ясно, зачем нужны маски.

– Там... шпион, – морщась, проговорил филер, поднимаясь на колени.

– Мы знаем, – хлопнул его по плечу сотрудник третьего отдела.

Пока проходил звон в голове, пола унималась тошнота и муторность, Воронин поднялся и оперся спиной о тополь, наблюдая за действиями коллег. Потом не выдержал, решил подойти ближе.

– Ушел! – раздался недовольный голос одного из агентов. – Ушел, паскуда!

– Ничего, его на той стороне примут, откликнулся мужчина с усами и повернулся к встрепенувшемуся было Воронину.

нину.

– А хорошо вы его загнали, – сказал он, улыбнувшись. – Чувствуется опыт. Откуда будете, такой бравый?

– Отделение уголовного сыска седьмого околоточного участка, унтер-офицер Воронин, – представился филер, демонстрируя свой жетон на подкладке пиджака. – Чего же вы стоите? Его же ловить надо! Уйдет!

– Не уйдет, у нас все под контролем, – успокоил Ивана мужчина, в свою очередь представился. – Штаб-офицер Нестеров Максим Селантьевич, третий отдел, к вашим услугам.

– Ваше высокоблагородие...!

– Ну, полноте, – отмахнулся Нестеров. – Не при параде. Лучше скажите, как вы на нашего соколика вышли? Чуть нам всю операцию не завалили по собственному рвению.

– У меня тоже вопросы имеются, господин штабс-офицер, – решил дерзнуть сыщик. – Много тут непонятого образовалось...

И застыл, глядя через плечо Нестерова.

В маленьком помещении домика, где сотрудники канцелярии деловито подбирали разбросанные вещи шпиона, прямо в воздухе висела эдакая рваная дыра, словно картина. Сквозь эту дыру виднелась чудная дорога, освещенная неприятным резким светом похожих на колокольчики фонарей. Дорога была необычайно гладкой, будто отшлифованной, по ней проносились паромобили неизвестных конструк-

ций. Вдалеке, упираясь в серое, без звезд небо, возвышались одинаковые как близнецы дома-коробки.

Иван увидел спину Толмача, который согбенно озирался вокруг. В последний момент, прежде, чем дыра свернулась сама в себя, Толмач обернулся и Ворониным увидел в его глазах неподдельный страх.

Судя по всему, Толмач попал в тот мир, истории из которого так любил рассказывать. Что ж, кесарю кесарево...

– Это что там такое за чертовщина? – не сдержался Воронин, указывая рукой в сторону домика.

– Уважаемый сыскных дел мастер Воронин, – Нестеров резко сместился, закрывая своим телом дверной проем, приобнял филера за плечо и повел прочь, на выход со двора, – Я думаю, что вам стоит отдохнуть. Да-да, безусловно. Вы проделали большую работу, и я всенепременно доложу свою благодарность вашему начальству.

– Но что это было? – не унимался Иван. – Какое-то новое изобретение британцев?

– Британцев? – не сразу сообразил Нестеров, но потом протянул не очень убедительно. – Ах да, британцев. Но вы понимаете, дорогой мой, что как офицер и государев человек, вы должны хранить молчание о том, чему стали свидетелем. Более того, я бы рекомендовал и вовсе позабыть об этом. Надеюсь, не стоит говорить почему?

– Не нужно, я все понял, – кивнул Воронин.

– Вот и славно, – штаб-офицер чуть отстал, показывая,

что дальше сыщик пойдет один. – Мы с вами еще свяжемся, так сказать, уточнить нюансы.

– Буду ждать.

– Честь имею, – коротко кивнул Нестеров.

– Честь имею, – дернул рукой Воронин, желая коснуться шляпы, но вовремя вспомнил, что обронил ее во время погони.

Филер развернулся и побрел сквозь арку на выход из дворов, ощущая спиной пристальный взгляд агента третьего отдела. Очень хотелось обернуться и начать задавать вопросы, неудобные и прямые. Но Воронин сдержался, понимая, что все равно не получит ответов. Перед глазами все еще стояли дыра в пространстве и лицо Толмача по ту сторону. А также литера «б» на значке агента. Иван долгое время проработал в государственных органах и никогда не слышал про шестую экспедицию при третьем отделе канцелярии Его Императорского Величества. А это могло означать лишь одно – сыщик Воронин попал в очень серьезный и опасный переplet. Лучше поразмышлять об этом на досуге, подальше отсюда и, по возможности, в одиночестве.

– Выпить, – пробормотал Воронин, смахивая с лица мелкую грязь. – Нужно срочно выпить.

А в нагрудном кармане мерно мигали часы с браслетом из неизвестного материала, отсчитывая время иного мира.

Эпилог

Дежурный следователь Дуванов Максим остервенело тер кулаками покрасневшие глаза, раздирая рот зевотой. За окном все еще продолжал идти дождь, а утро совсем чуть-чуть осветило серую хмарь, от которой еще больше захотелось спать.

– Покурим? – предложил Гаврилов, пришедший час назад товарищ-следователь.

– Покурим, – хриплым голосом согласился Дуванов, без особенного желания вытаскивая из протянутой пачки предложенную сигарету.

– Ты чего такой кислый? – раздражающе задорно поинтересовался Гаврилов. – Ты ж такой всяк поднял! Наградят теперь, я тебе отвечаю.

– Ага, – скривил рот Дуванов, прикусывая фильтр. – Догонят и еще наградят.

– Макс, ну чего ты?

– Да какая-то мутная история, Димыч, – потрянул головой следователь. – Вроде бы, по всем признакам он, тот самый Нечаев. Он даже сам подтвердил. Но как касаемся темы о его исчезновении, и том, где он все эти годы ошивался, так все, хоть выноси. Какие-то параллельные миры, Империя, цари и Орден. Чушь и фантастика. Или фэнтези?

– Что – фэнтези?

– Как называется, когда про царей и всякие пароходы? Фэнтези или фантастика?

– Отдыхать тебе надо, Макс, – заботливо покачал головой Гаврилов. – Уже и сам какую-то хрень несешь.

– Вот и я о чем, – безвольно согласился Дуванов. – Пора мне в параллельный мир, где мягкая кровать и будильник звонит не раньше девяти.

Докурили, притушили окурки.

– А с этим чего решил? – спросил Гаврилов, кивая в сторону допросной.

– Пусть пока посидит. Стажер сейчас все оформит, потом эксперту из психушки его покажет. А там посмотрим.

– Ну, наверное, и правильно, – пожал плечами Гаврилов. – Ладно, побегу я. Совещание через пять минут.

– Бывай, – махнул ему следователь и пошагал в свой кабинет.

Возле самой двери Максима аккуратно тронули за локоть, останавливая.

– Максим, – раздался голос начальника отдела полиция. – Постой.

Дуванов внутренне подобрался и повернул голову, остановившись в шаге от двери.

Рядом с подполковником Макаровым, одетым в по-утреннему отглаженную форму и белоснежную свежую рубашку, стояли двое мужчин в строгих деловых костюмах и с одинаковыми казенными рожами.

– Доброе утро, Сергей Михайлович, – поздоровался с начальником следователь.

– Доброе утро, Максим, – подполковник указал на своих спутников. – Вот, это наши коллеги, пришли за твоим задержанным.

– За Нечаевым? – уточнил на всякий случай нахмурившийся Максим. – А если не секрет, коллеги откуда будут?

– Шестой отдел третьего Управления, – ответил один из «пиджаков» и перед носом следователя, словно из воздуха, появились две раскрытые красные «корочки». Прежде, чем он успел что-то прочесть, удостоверения так же быстро убрали. – Где Нечаев?

– Задержанный в допросной, – машинально ответил Дуванов. – Только я с ним еще не закончил...

Его фраза бестолково ткнулась в удаляющиеся спины «пиджаков». Максим лишь неприязненно проводил их взглядом, протянул руку с ключом к двери.

И замер, почти касаясь выщербленными бородками ключа личины.

– Чего еще за третье Управление? – озадаченно пробурчал следователь, пытаясь зацепиться за название, выудить из полусонной памяти полное наименование конторы или хотя бы род деятельности, но не смог. Решительно повернулся на каблуках, намереваясь догнать и разобраться.

– Дуванов, – остановил его строгий оклик Макарова. Тот никуда не уходил, так и стоял в коридоре. – Иди куда шел.

– Сергей Михайлович!

– Это приказ! – рявкнул Макаров, сдвигая брови над переносицей.

Следователь вздрогнул, заиграл желваками. Исполдлобья посмотрел на своего начальника, осуждающе покачал головой. Нервно поиграл ключами, бросив протяжный взгляд в сторону допросной. В груди начало подниматься глупое, нерациональное упрямство.

– Максим, – неожиданно мягко окликнул его Макаров. – Не стоит оно того, поверь. Это дело не нашей юрисдикции.

– Что за дело? Кто это вообще такие?

Дверь допросной открылась, в коридор выскочил растерянный стажер, прижимающий к груди папку с торчащими уголками листов. Он попятился к стене, повернул голову и вопрошающе посмотрел сначала на Макарова, потом на Дуванова.

Вслед за стажером показались «пиджаки», ведущие под локти Нечаева. На их фоне бывший журналист казался маленьким и жалким, он еле переставлял ноги, что-то бормотал, стараясь заглянуть в глаза своим конвоирам. Те молчали, сохраняя каменные выражения лиц, лишь одергивали Нечаева, когда тот не поспевал за ними.

Дуванов молча наблюдал, как уводят этого странного человека. Нельзя было сказать, что он сильно расстроился, потеряв верную палочку по раскрываемости. Просто следователю стало обидно за несколько потраченных впустую часов,

за лишние чашки отвратительного кофе, что он выпил, за навалившееся раздражение и почти непреодолимое желание послать всех куда подальше. Он явственно ощутил себя маленьким и незначительным винтиком в огромном механизме, о котором раньше и не догадывался. Вокруг, оказывается, происходят какие-то странные вещи, появляются и исчезают странные люди, у которых есть свои странные секреты. И никто ничего не собирается объяснять.

Следователь смотрел на удаляющуюся в сторону выхода странную троицу и думал о том, что как было бы здорово оказаться сейчас в совершенно другом месте. Почему-то в голову пришел образ маленькой белоснежной беседки, стоящей на краю широкой мраморной лестницы, к ступеням которой склоняются широкие зубчатых пальмовые листья. В этой беседке, на небольшом столике с резными ножками, ненавязчиво играет патефон с отделанной изнутри синим бархатом крышкой. А рядом, чуть покачиваясь от легкого бриза, ажурное кресло-качалка. Мимо прогуливается миловидная дама в старинном приталенном платье с открытыми плечами. В руках ее шелковый зонтик от солнца, а где-то у горизонта, рассекая небесно-голубую гладь спокойного моря, замер прекрасный серебристый пароход с красными спасательными кругами по бортам.

Покой и безмятежность.

Дуванов тряхнул головой, прогоняя похожую на сон картинку. Видать, навеяло рассказами этого Нечаева, будь он

неладен. А, впрочем, бросить бы все и махнуть в такое вот место!

– Не в этой жизни и не в этом мире, – выдохнул себе под нос Максим, пригладил коротко стриженные рыжие волосы и, не обращая больше внимание ни на что, направился в свой кабинет переодеваться.

А где-то, в своей вселенной, похожий на Дуванова как две капли воды филер Воронин, сидел в кресле-качалке возле Императорского канала, волны которого бороздил пароход «Цесаревич Илья», разглядывал мигающий циферблат электронных часов и размышлял о том, что жизнь с ним несправедлива. И что было бы неплохо так, одним глазком, заглянуть еще раз в ту дыру, куда провалился Толмач.

Ведь, определенно, тот мир, пусть и пугающий, но определенно более интересный и яркий.